

Е. М. МУРАВЬЕВ,

*начальник Департамента образования Тверской области, доктор психологических наук,
доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный учитель РФ,
академик Международной академии психологических наук*

СЛОВО И КНИГА КАК ТЕКСТЫ КУЛЬТУРЫ

Осознание слова и книги как фрагментов культуры приобретает в современной социокультурной ситуации особый смысл. Любое явление культуры связано с другими явлениями культуры, как современными, так и прошлыми. Исторически существовавшие культуры неизбежно вовлечены в контекст современной жизни, поэтому всякий исторический факт культуры оказывается и современным. Любой текст получает в ходе исторического движения новое ценностно-смысловое содержание. Возможность синтеза нового содержания и нового понимания явлений культуры обусловлена тем, что в истории культуры наблюдается не только поступательность и многообразие, но и повторяемость и единство. Именно повторяемость включает в себя структурные элементы культуры, объединяя их в единое целое, а также интегрируя уже готовые целостные формы и схемы, что, в первую

очередь, присуще книге как культурному феномену.

Книга с течением времени может приобретать такой смысл, который ранее не был вложен в нее ни субъектом-творцом, ни субъектом-читателем. При этом понимание смысла в процессе чтения продуктивно и способно генерировать новые смыслы при перенесении книги в новую историческую среду. Эта особенность функционирования книги особенно важна в системе образования.

Понимание текста зависит от культурного уровня и образованности читателя, а смысл текста определяется окружающим его контекстом — общественной ситуацией, диалогическими отношениями с другими текстами и т. п. Понимание текста и его оценка тесно взаимосвязаны. Смысл текста задается его аксиологическими основаниями, а оценочный компонент выражен в разной степени на раз-

личных уровнях понимания книги и слова, поэтому интерпретация текста есть систематическое описание авторского замысла и его последовательное сопоставление с системой ценностей интерпретатора.

Методологический уровень понимания книги опирается на научно выработанные методы и принципы анализа. При этом усиливается творческий характер понимания, а также оценочные мотивы, которые становятся все более свободными от субъективизма¹. Культурно-исторический анализ текста представляет собой диалектическое движение ценностно-познавательных смыслов, стремящееся к более глубоким уровням понимания в процессе осознания культуры прошлого. Поэтому культура является общечеловеческим процессом возникновения и смены характерных аксиолого-гносеологических ориентации, находящихся в состоянии и творческого взаимодействия, и диалога.

Свою подлинную мощь Слово обрело лишь с появлением Книги. По словам Р. Эскарпи², книга, как и все живое, не укладывается в жесткие рамки определений. Книга с любой отправной точки способна высвободить и рассеять во времени и пространстве заключенную в ней массу образов, чувств, идей, а затем, вкупе с другими книгами, снова вобрать в себя то, что в бесконечности самых различных сочетаний было рассеяно ею по столетиям и континентам.

В Западной Европе книга никогда не являлась трибуной политических дебатов, ареной борьбы между партиями. В России же, по словам И. А. Бутенко, правительство решало, что граждане могут публиковать и читать³. Это привело к устойчивой писательской традиции — объединяться вокруг журналов в соответствии с разделяемыми общественно-политическими взглядами.

Парадоксально, но именно периоды политической реакции в XIX веке стали временем расцвета искусства слова. По цензурным соображениям авторы нередко прибегали к эзопову языку, что создало в русском обществе особую практику вдумчивого чтения, чтения между строк, которое становилось активным творческим диалогом автора и читателя. Статус литературы более ста лет был в России неизменно высоким, потому что она

в художественной форме обращалась к проблемам, которые литература ни в одной стране мира не обсуждала.

В XX веке, в первые годы советской власти, начали издаваться книги, адресованные низовому читателю. Затем ужесточилась цензура, и уже не читатель, а директивные органы определяли характер книжного выпуска. Но стала ли книга, по выражению Д. С. Лихачева «самым ответственным представителем культуры всей страны»?¹ Почему в 1939 году академик В. И. Вернадский сказал, что «свой народ революция не допустила реально пользоваться книгопечатаньем»?²

Дело в том, что книга не только общественное явление, поэтому нельзя насильственно внедрять ее в массы. Только «интимный» характер отношения к книге ведет к активному диалогу автора и читателя в режиме «от сознания к сознанию». Перенасыщенность литературы идеологией привела к тому, что в 1960-е годы в Советском Союзе было два вида литературы: официально издаваемая и «самиздат» — запрещенная литература, прочитать которую стремилась наиболее образованная часть общества.

В начале XXI века все громче зазвучала обеспокоенность падением роли книги и слова в жизни человека, активным нежеланием молодежи общаться с классической литературой. Это тревожно. Ведь литература пересоздает и преобразует жизнь в свете нравственных норм и идеалов прекрасного, а идейно-эстетическая сила воздействия словесного образа на человека зависит от художественного слова. Курт Воннегут писал: «Без литературы для человека и в век НТР, при возможном материальном изобилии, нет полноценной жизни: если человека лишит радости и утешения, которые дает литература, то он погибнет — либо от окаменения сердца, либо от атрофии нервной системы»³.

К сожалению, сегодня чтение из напряженного труда души для многих превратилось в сопутствующее занятие. Интерес к «серьезной» литературе проявляет незначительная часть населения. Чтение нередко ориентировано на удовлетворение не столько эстетических, сколько информационно-прагматических потребностей. Вместе с тем, чтение — необходимое условие роста *человека разумного*.

¹ Васильев С. А. Уровни понимания текста // Понимание как логико-гносеологическая проблема. Киев, 1982. С. 114–117.

² Эскарпи Р. Революция в мире книг. М., 1972. С. 20.

³ Бутенко И. А. Читатели и чтение на исходе XX века: социальные аспекты. М., 1997. С. 10.

¹ Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет. Л., 1989. С. 258.

² Вернадский В. И. Дневник // Дружба народов. 1992. № 11. С. 29.

³ Воннегут К. Колыбель для кошки. М., 1970. С. 172.

Потому определение «венца творения» как биологического вида *homo sapiens* правомерно дополнить еще одним: *homo legens* — *человек читающий*. На одной из конференций специалистов по ЭВМ Айзек Азимов назвал книгу идеальной информационно-поисковой системой, которая доступна каждому, портативна и не требует внешнего источника питания, а информация хранится в ней постоянно и не исчезает из-за всяческих поломок и накладок¹.

---

¹ Homo Legens. Человек читающий. Писатели XX века о роли книги в жизни человека и общества. М., 1989. С. 15.

Сегодня к нашим услугам новые информационные технологии библиотек: для поиска нужных изданий достаточно ключевых слов; в сети Интернет можно самому виртуально посетить любую библиотеку мира. Цивилизация ставит проблемы создания электронных книг, Интернет-изданий, сетевых издательств, подготовки кадров, способных вести диалог с потребителем и производителем. Но как бы далеко человек ни уходил в мир виртуальный, все равно мир конкретных физических ощущений будет ему ближе и желаннее, поэтому реальная книга должна сохранить важное место в его жизни.